
НОВОГОДНЯЯ КОМЕДИЯ
Новогодний переполох
Ёлка
Салаты
Гости
Без скандала?

Милана Панова
Новогодний переполох

https://litres.ru/74778194
SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать первое декабря. В квартире на Лесной, шестнадцать, должен состояться идеальный Новый год: две непримиримые мамы, молчаливый тесть, двенадцать салатов и план на одиннадцати листах Excel. Но у логиста Аркадия Мышкина с планами всегда было сложно. Ёлка, которую он спас с рынка, оказывается с белкой внутри. К столу пробирается Дед Мороз, перепутавший адрес, и двоюродный брат-коуч со стримом на сорок тысяч подписчиков. А к одиннадцати вечера в гости собирается проверить сотрудника на дому суровый начальник, которого за глаза зовут Сейфом.

Тёплая, смешная новогодняя комедия положений о семье, которая никогда не бывает идеальной, о людях, которые боятся сказать «я скучаю», и о том, что лучшие праздники случаются там, где всё пошло не по плану.

Содержание

Глава 1. Таблица счастья 4
Глава 2. Человек, у которого всё под контролем 10
Глава 3. Дед Мороз на гастролях 16
Глава 4. Чат «Семья 2027» 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Милана Панова
Новогодний переполох

Глава 1. Таблица счастья

Первого декабря в 6:40 утра Лариса Мышкина открыла ноутбук, налила кофе и создала файл «Новый год 2027 (ФИНАЛ).xlsx».

Файл состоял из одиннадцати листов. На первом — бюджет. На втором — меню на двенадцать салатов с калорийностью и рассадкой по значимости («оливье — центральная фигура, селёдка под шубой — ферзь, мимоза — пешка, но нужна»). На третьем — расписание: кто во сколько приезжает, кто в какой момент говорит тост, кто с кем и о чём не должен разговаривать. На четвёртом — список подарков с пометкой «НЕ ПОВТОРЯТЬ ПРОШЛЫЙ ГОД». На пятом — схема размещения гостей, в которой Тамара Игоревна и Зинаида Марковна были разведены по разным концам стола и обложены с флангов нейтральным Игнатом Савельичем.

На одиннадцатом листе, самом последнем, была вкладка «Риски». Первой строкой там значилось: «Аркадий».

Аркадий в это время спал, раскинувшись по диагонали супружеской кровати, как человек, которого никто никогда не торопил. Бухгалтер лежал у него на груди, внимательно

изучая потолок.

Само слово «Бухгалтер» кот получил не случайно. Три года назад Аркадий принёс его домой из подъезда: рыжий, тощий, облезлый котёнок сидел на коврике у чужой двери и смотрел на всех с выражением налогового инспектора. Когда Аркадий начал было искать ему имя (Барсик? Мурзик? Рыжик?), котёнок открыл рот и издал звук, который можно было принять за глубокое неодобрение. Лариса сказала: «Бухгалтер». Так и осталось.

Утро первого декабря в семье Мышкиных обычно проходило по заведённому порядку: будильник звонил, Аркадий делал вид, что не слышит, будильник звонил снова, Лариса уходила в душ, Аркадий вставал, искал носки, искал ключи, искал причину, почему он вообще встал, и не находил её до самого метро.

В то утро всё пошло иначе. Лариса вышла из ванной с полотенцем на голове и, проходя мимо мужа, который жевал бутерброд над раковиной, сказала:

— Аркаша, нам нужно поговорить.

Бутерброд замер на полпути ко рту.

— Я ничего не делал, — быстро сказал Аркадий.

— Я ещё ничего не говорила.

— Всё равно не делал.

Лариса села за стол, открыла ноутбук и повернула его экраном к мужу.

— Это план нового года, — произнесла она торжественно,

как диктор, объявляющий начало войны. — В этом году у нас соберутся все. Мои родители. Твоя мама. Мы встречаем здесь, у нас, и я хочу, чтобы всё было идеально.

Аркадий посмотрел на экран. Экран смотрел на Аркадия сотнями ячеек, формул и условных форматирований. В ячейке «Ответственный за ёлку» значилось: «А. Мышкин (срок: 28.12)». Ячейка была красной.

— Почему красная? — спросил он.

— Потому что это ты, — ответила жена, нисколько не желая его обидеть. — Любая ячейка с твоей фамилией по умолчанию красная. Это настройка.

— Лара, я логист. Я каждый день доставляю по двести тонн груза в срок.

— Вот именно, Аркаша. Груз. А мы с тобой — не груз. Мы — семья, которая в этот раз должна произвести впечатление.

— На кого?

Лариса помолчала.

— На твою маму. И на мою маму. И вообще.

Слово «вообще» в её устах означало примерно «на всю Вселенную».

Чтобы вы понимали масштаб проблемы, нужно сказать несколько слов о двух мамах.

Тамара Игоревна, мать Аркадия, была женщиной, которая всю жизнь прожила по принципу «лучше сделать самой». Она сама делала ремонты, сама воспитывала сына, сама решала, что ему надевать, а когда он женился, начала решать,

что надевать и жене. Она работала в библиотеке тридцать лет и из этого стажа вынесла твёрдое убеждение, что любую информацию можно упорядочить, а любого человека — перевоспитать при помощи формуляра.

Зинаида Марковна, мать Ларисы, тридцать лет проработала в районной администрации и из этого стажа вынесла противоположное убеждение: что любой человек сам по себе беда, а вся его беда заключается в отсутствии справки. Она умела одним взглядом выписать предписание.

Обе женщины были хорошими. Обе любили своих детей. Обе, встретившись, в течение шестидесяти секунд находили повод для конфликта, причём таким образом, что со стороны никто не мог понять, о чём спор: слов было сказано мало, взглядов много, а воздух звенел.

Последний раз они встречались на свадьбе. Свадьба была шесть лет назад. С тех пор в семье воцарился мир, основанный на принципе «мы вас не видим, вы нас не слышите». Лариса и Аркадий предпочитали навещать родителей по очереди. Но в этом году Лариса решила, что взрослые люди должны уметь сесть за один стол.

— Они будут вежливы, — убеждённо сказала Лариса. — Это же Новый год.

— Лара, — осторожно сказал Аркадий, — на нашей свадьбе они подрались из-за вилки.

— Они не дрались. Они выясняли, какая вилка для рыбы.

— Зинаида Марковна держала вилку, как кинжал.

— Это была профессиональная деформация.

Аркадий открыл рот, закрыл его и решил, что в этом браке выигрывает тот, кто вовремя замолкает.

В ячейке «Игнат Савельич» на втором листе было написано одно слово: «Спокоен». Больше ничего.

Игнат Савельич, отец Ларисы, был человеком из тех, кого в семье называют «наш тихий». Он тридцать пять лет проработал на заводе мастером, вышел на пенсию, выращивал на даче помидоры и занимался одним странным делом: собирал неудачные вещи. Не сломанные, а именно неудачные. Кривую табуретку, которую соорудил сосед. Чайник, из носика которого всегда лилось мимо. Рисунок, нарисованный внуком друга, на котором собака была больше дома. Он считал, что в неудачных вещах больше характера, чем в удачных, и в этом была его философия.

Много лет назад Лариса однажды спросила: «Пап, а зачем тебе всё это?» Он ответил: «Потому что они старались». И больше к этой теме не возвращались.

В тот же вечер Аркадий сидел на работе, глядел в монитор и пытался вспомнить, что ему нужно сделать до тридцать первого. Ёлка. Салфетки. Шампанское. Угодить маме. Угодить тёще. Выжить.

Он открыл заметки в телефоне и записал в столбик:

Ёлка

Не облажаться

Если облажался — пункт 2

Подумал, зачеркнул третий пункт и дописал: «Купить Бухгалтеру ёлочную игрушку (мышь)».

Дома Бухгалтер дремал на ноутбуке Ларисы и случайно придавил какую-то кнопку. В файле «Новый год 2027 (ФИНАЛ).xlsx» в ту ночь появилась строка, которой не было ни в одном плане: на последнем листе, в графе «Риски», значилось слово «Кот».

Лариса увидела это на следующее утро и решила, что сама так записала.

Это была её первая ошибка в планировании.

Глава 2. Человек, у которого всё под контролем

Кабинет генерального директора компании «ТрансЛогистик» находился на седьмом этаже и был устроен так, чтобы у каждого вошедшего возникало ощущение, что он забыл что-то важное. Стол без единой бумаги. Часы на стене, тикающие чуть громче, чем необходимо. Пустой стул для посетителей, поставленный так, чтобы сидящий смотрел снизу вверх.

Виктору Эдуардовичу Громову было пятьдесят два. Двадцать шесть из них он провёл в этой компании: начал стажёром, вырос до директора, ни разу не взял больничный и не опоздал. В коридорах про него рассказывали анекдоты, из которых самый популярный был такой: однажды у Громова спросили, какой у него любимый праздник, и он ответил: «Годовой отчёт». Это была правда.

Десятого декабря в 9:00 он сидел за столом и перелистывал отчёт. Секретарь Зоя Павловна, женщина с причёской, в которой можно было проводить авиарейсы, стояла у стола, держа наготове блокнот.

— По отделу нестандартных отгрузок, — сказала она, — доклад подготовил Мышкин.

— Мышкин, — повторил Громов. Он произнёс эту фами-

лию так, как врач произносит название болезни, с которой у него сложные отношения.

Аркадий Мышкин значился в личном деле Громова в трёх разделах. В разделе «Взыскания»: четырнадцать опозданий, два потерянных контейнера, одно письмо не туда («В отделе кадров три человека получили поздравление с юбилеем, которое предназначалось покойному клиенту»). В разделе «Благодарности»: сорок тонн пшена, доставленных в Якутск на собачьей упряжке, когда встали все дороги. Партия лекарств для ветеринарной клиники, которая через отметку «груз 200» прошла как груз «мебель», но дошла за сутки. И пять тысяч новогодних шаров, которые Мышкин в одиночку, в декабре позапрошлого года, распределил по семидесяти магазинам, ни разу не перепутав адреса.

В разделе «Прочее» Громов своей рукой, много лет назад, написал: «Не понимаю, как он это делает. Продолжать не мешать».

В этом году у Громова была проблема.

Главный менеджер по логистике Зайцев ушёл на пенсию, оставив после себя пустой кабинет и вакансию, которую нужно было закрыть до нового года. Претендентов было двое: образцовый, холодный, безупречный Кирилл Власов из отдела планирования (он составлял расписания даже для собственных обедов) и растрёпанный гений Аркадий Мышкин, у которого получалось всё, кроме того, чтобы вовремя прийти на работу.

— У Власова идеальные показатели, — сказала Зоя Павловна.

— Знаю.

— У Мышкина идеальный результат.

— Знаю.

— Это разные вещи, Виктор Эдуардович.

— Зоя Павловна, я двадцать шесть лет на этом этаже. Я знаю, чем отличаются показатели от результатов.

Он сел глубже в кресло и посмотрел в окно. За окном шёл первый настоящий снег этого года и падал не вниз, а как-то боком, как будто тоже опаздывал.

На прошлой неделе компания отправила Громова на тренинг «Руководитель — тоже человек». Громов отнёсся к приглашению так, как его неприязненная натура и требовала: пошёл, чтобы не прослыть бунтарём, и три дня просидел в зале в первом ряду с лицом человека, которого пригласили на собственные похороны. Тренер, живой и громкий мужчина в яркой жилетке, говорил о том, что лидер должен знать, как живут его люди.

— Не по отчётам! — восклицал он. — Не по цифрам! А лично! Зайдите к сотруднику домой! Увидите, как он живёт, и вы поймёте, на что он способен!

Громов тогда подумал, что это идиотизм. Но слова остались, как заноза, и всю неделю не давали покоя.

В ящике стола у Громова лежала открытка.

Она приходила каждый год тридцатого декабря, с одной и

той же подписью: «Э.Г.». Без обратного адреса, из Подмосковья. На открытке был изображён Дед Мороз с мешком, а внутри — одна и та же фраза, написанная кривым, но радостным почерком: «С Новым годом, сынок. Не работай много».

Громов хранил их в ящике в алфавитном порядке, то есть в хронологическом: двадцать шесть штук. Он никогда не отвечал. То есть отвечал, но не открыткой, а звонком раз в месяц, всегда по воскресеньям, ровно в 19:00, и разговор длился ровно четыре минуты.

— Здравствуй, пап. Как ты?

— Здравствуй, Витя. Хорошо. А ты?

— Работаю.

— Где?

— В отделе документации.

Это была ложь, которую он говорил отцу уже девятнадцать лет. Не потому что стыдился, а потому, что однажды, давно, отец, сам человек простой, сказал ему: «Витя, кабинетные люди — люди без сердца. Не становись им». С тех пор Громов боялся признаться, что он директор, и придумал себе скромную должность в «отделе документации». Отец, который слушал его по телефону и качал головой, считал, что сын сидит где-то в подвале с папками и что ему там одиноко.

А отец, в свою очередь, на вопрос «А ты где?» всегда отвечал: «Сторожем на складе. Тихо, спокойно». И это тоже была ложь, девятнадцати лет давности, потому что Эдуард

Громов, бывший артист народного театра, не мог признаться сыну, что подрабатывает Дедом Морозом, и боялся, что сын подумает: «Отец до старости так и не повзрослел».

Так они и жили: два человека, любящие друг друга и не умеющие друг другу в этом признаться.

В тот вечер, десятого декабря, Громов вызвал Зою Павловну ещё раз.

— Зоя Павловна, — сказал он, — мне нужен домашний адрес Мышкина.

Секретарь подняла бровь, и бровь эта поднялась выше, чем когда-либо за двадцать шесть лет службы.

— Зачем, Виктор Эдуардович?

— Хочу посмотреть, как он живёт.

— Вы его уволить хотите?

— Нет. Я хочу понять, почему у него получается.

Зоя Павловна ничего не ответила. Она развернулась, вышла, принесла распечатку и положила на стол. На листе значилось: «Мышкин А. П. Лесная, 16, кв. 37».

— Виктор Эдуардович, — сказала она напоследок. — Только не в рабочий день. Люди такого не любят.

— Тридцать первого, — решил Громов. — Вечером. Они же встречают Новый год.

— И вы собираетесь прийти к ним встречать Новый год?

— Я собираюсь прийти на пятнадцать минут. Посмотреть и уйти.

Зоя Павловна кивнула. Она умела различать ложь, как по-

вар различает недосоленную еду. Пятнадцать минут. Она в этом сильно сомневалась, но спорить не стала.

Громов положил листок в папку и закрыл ящик. Он не знал, что в этот самый момент в квартире на Лесной, шестнадцать, кот по имени Бухгалтер впервые в жизни сам, без просьбы, подошёл к Аркадию и потёрся о ногу, словно чувствовал, что скоро придётся выживать вместе.

Не знал он и того, что на другом конце города в крошечной квартирке в Подмосковье, примеряя перед зеркалом красную шубу, шестидесяти девятилетний Эдуард Громов мурлыкал песенку, которую, кроме него, не знал никто, и думал: «А Витя-то мой, наверное, один в этот Новый год. Надо будет открытку отправить. Да и так, мимо проехать».

В ту ночь на Земле, как это часто бывает в декабре, не случилось ничего страшного. Просто несколько людей, не подозревая об этом, начали двигаться друг к другу.

Глава 3. Дед Мороз на гастролях

Если бы кто-нибудь спросил Эдуарда Громова, чем он занимается, он бы ответил: «Творю чудеса». А если бы спросили агентство «Зимняя сказка», оно бы ответило: «Нарушает график».

Агентство размещалось в бывшей прачечной на первом этаже панельной пятиэтажки в подмосковном городе, название которого никто не мог выговорить с первого раза. На двери висела табличка «Зимняя сказка. Дед Морозы, Снегурочки, Бабы-яги, Лешие (по предварительной записи)». Внутри пахло мандаринами, пудрой и лёгкой паникой.

Директором агентства была Маргарита Львовна Пышкина, дама под семьдесят, с голосом, которым можно было останавливать поезда, и с записной книжкой, в которой значилось всё: кто из Дедов Морозов пьёт, кто простужен, кто в прошлом году сломал ногу в метель, а кто и вовсе исчез в неизвестном направлении, оставив шубу и бороду.

Эдуарда Маргарита Львовна называла «мой гвардеец».

— Эдик, — сказала она четырнадцатого декабря, шлёпнув перед ним на стол лист с расписанием. — На тридцать первое у тебя семь заказов. Начало в десять утра, конец в одиннадцать вечера. Всё по Москве и области. Ты как?

— Хорошо, — ответил Эдуард.

— Очки наденешь?

— Не надену.

— Эдик!

— Дед Мороз в очках — это не Дед Мороз, а профессор с бородой.

— Дед Мороз, который путает адреса, это не Дед Мороз, а угроза обществу! В прошлом году ты зашёл к двум старушкам вместо детского сада!

— Они были очень рады, — спокойно возразил Эдуард. — Мы выпили чаю. Одна рассказала про своего мужа. Другая показала фотографии. Я считаю, что это был самый успешный заказ года.

Маргарита Львовна закатила глаза, но спорить не стала. Спорить с Эдуардом Громовым было всё равно что спорить с ёлкой: она ничего не отвечает, но стоит и стоит, и в конце концов ты сам уходишь.

Снегурочкой Эдуарда была двадцатидвухлетняя студентка театрального Кристина Ларина, девушка с острым язычком, прекрасной дикцией и огромными тёмными кругами под глазами. Она вторую зиму подрабатывала в «Зимней сказке», потому что стипендия кончалась на третий день после того, как начиналась, и потому что Маргарита Львовна платила наличными.

Кристина знала о Деде Морозе Эдуарде две вещи. Первую: он никогда не опаздывает. Вторую: он никогда не может найти нужный дом.

Встретились они в январе, на утреннике в детском саду

«Колокольчик», где Эдуард вместо раздачи подарков минут десять беседовал с трёхлетним мальчиком о смысле жизни. Мальчик спросил: «А почему ты дед?» Эдуард подумал и ответил: «Потому что я долго жил и многого не знаю». Мальчик ответил: «Я тоже», и они обнялись.

— Вы с ума сошли? — прошипела Кристина за кулисами. — У нас по сценарию стишок про ёлочку!

— Стишок про ёлочку никуда не денется, — безмятежно ответил Эдуард. — А вот мальчик может вырасти и забыть, что был такой разговор.

— Вы понимаете, что нас оштрафуют?

— Нас оштрафуют за стишок. Но не за мальчика.

Кристина хотела обидеться, но обидеться на человека, который говорит такое с совершенно серьёзным лицом, невозможно. Она вздохнула и пошла читать стишок про ёлочку сама.

В тот год, в декабре, в расписании Эдуарда появилась странная пометка. Маргарита Львовна знала о ней, но молчала. Когда Эдуард уходил с работы, он всегда оставлял в конце списка один пустой слот: тридцать первое, 22:00, «личное».

Кристина спросила о нём в машине, по дороге с корпоратива.

— Эдуард Павлович, а что у вас на тридцать первое в десять вечера?

Старик, сидевший на заднем сиденье в красной шубе, с посохом между колен и в съехавшей набок бороде, посмот-

рел в окно.

— Сын, — сказал он.

— У вас есть сын?

— Витя. Виктор. Ему пятьдесят два. Он работает в отделе документации. В Москве. Мы не видимся уже девять лет. Раньше он приезжал. Потом работа. Потом ещё работа.

— Вы хотите его поздравить?

— Я хочу, — сказал Эдуард, — чтобы он хоть раз в жизни увидел настоящего Деда Мороза и перестал думать, что чудес не бывает. Он же в детстве верил. Ему, правда, быстро надоело. В десять лет сказал: «Пап, ты не настоящий». Я тогда обиделся. А теперь думаю: может, он был прав.

— А адрес у вас есть?

— Есть. Улица Мещанская. Дом четыре. Квартира двенадцать. Он там жил в две тысячи пятнадцатом.

Кристина покосилась на него. Она уже научилась по голосу различать, когда старик говорит правду, а когда выдумывает. Сейчас он говорил правду. Но как-то слишком быстро.

— Эдуард Павлович, — осторожно сказала она, — вы сами-то уверены, что он там до сих пор живёт?

— Нет, — признался Эдуард. — Но мне кажется, что чудо должно быть неожиданным. Если я позвоню заранее и предупрежу, то это будет не чудо, а запись к врачу.

Старик хранил в своём мешке странную коллекцию.

На самом дне лежал подарок для Вити. Его Эдуард собирал каждый год с самой осени. Это был деревянный ящичек,

в котором лежали: старая фотография, где маленький Витя стоит возле ёлки в шапке-ушанке и с таким серьёзным лицом, что кажется, будто его фотографируют на документы; ёлочный шар, подаренный Вите бабушкой и пережитый на два переезда; плитка шоколада «Алёнка», которая в детстве была для Вити самой желанной вещью на свете; и записка. Записку Эдуард переписывал каждый год заново и каждый раз тайно сжигал, потому что она получалась слишком длинной. В этом году он написал одну строчку: «Витя, я тебя люблю. Не работай много».

Сверху, поверх коробочки, были навалены мандарины, шоколадные зайцы, пара шариков и сломанный фонарик: инвентарь Деда Мороза, готовый к любому неожиданному зрителю.

Последний раз Эдуард пытался вручить сыну этот ящичек пять лет назад. Тогда он приехал на Мещанскую, но дверь открыла незнакомая женщина и сказала: «Здесь такой не живёт». Он отдал ящичек ей. Она поблагодарила и закрыла дверь. На следующий день старик с удивлением обнаружил, что у него в мешке лежит такой же ящичек: он сделал новый. С тех пор это стало традицией. Каждый год он делал ящичек, каждый год не находил сына и каждый год в итоге дарил кому-нибудь постороннему. Все эти люди думали, что ящичек им подарила сама судьба.

Кристине эта история нравилась и пугала её одновременно. Она сказала:

— Эдуард Павлович, а вы пробовали позвонить?

— По воскресеньям, в семь вечера, — сказал Эдуард. — Четыре минуты.

— И он вам не говорит, где живёт?

— Я не спрашиваю. Боюсь, что он скажет, и я пойму, что всё это время мог прийти.

Кристина замолчала. За окном машины мелькали огни, и над городом висело ощущение, что вот-вот случится что-то хорошее и не очень хорошее одновременно, как это обычно и бывает перед Новым годом.

Двадцать девятого декабря агентство «Зимняя сказка» получило ещё один заказ. Заказ поступил через сайт, в 14:22, и в нём было указано: «Лесная, 16, кв. 37. Мальчик Артёмка, 5 лет. Стишок про ёлочку. Просим без пафоса».

Маргарита Львовна распечатала его, вписала в графу «31.12, 18:00» и ткнула пальцем в ячейку «Исполнитель». Туда, как всегда в трудных случаях, попал Эдуард.

Она не заметила, что в заказе была опечатка: вместо дома шесть значилось шестнадцать, а в квартире тридцать семь шестнадцатого дома жили совсем другие люди. Но об этом никто не знал, и меньше всех сама заказчица, мама Артёмки, которая в тот момент стояла в аэропорту Хабаровска с отменённым рейсом и диктовала адрес по телефону, перекрикивая объявления.

Эдуард надел очки, глянул на адрес и уверенно сказал:

— Я найду.

— Вы уверены? — спросила Кристина.

— Лесная, — повторил старик. — Улица хорошая. Тут обязательно что-то случится.

И был прав. Хотя и по неправильной причине.

Глава 4. Чат «Семья 2027»

Двадцатого декабря Лариса совершила поступок, который в дальнейшем историки семьи Мышкиных назовут «роковым». Она создала в мессенджере общий чат и добавила туда обеих мам.

Чат назывался «Семья 2027 ». Аватаркой стоял снеговик, которого Лариса нарисовала сама в школьном возрасте и с тех пор считала своим лучшим художественным достижением. Участников было пятеро: Лариса, Аркадий, Игнат Савельич (который тут же отключил уведомления), Тамара Игоревна и Зинаида Марковна.

Первое сообщение было от Ларисы:

«Дорогие мои! Давайте общаться и договариваться, кто что привозит на Новый год! Целую всех! »

В течение следующих трёх минут в чате стояла тишина, столь густая, что Аркадий, который сидел на работе и следил за экраном под столом, почувствовал, как у него холодеют уши.

Потом Тамара Игоревна написала:

«Здравствуйте».

Через минуту Зинаида Марковна ответила:

«Добрый день».

Ещё через минуту Тамара Игоревна:

«Я привезу квашеную капусту. Домашнюю».

Зинаида Марковна:

«Это очень мило. У нас в семье принято, чтобы закуски были лёгкими».

Тамара Игоревна:

«Капуста — это лёгкая».

Зинаида Марковна:

«Для кого как».

Аркадий прочитал это и тихо произнёс в пространство офиса:

— Началось.

Соседка по кабинету, бухгалтер Нонна, не поднимая глаз от клавиатуры, сказала:

— Чего началось?

— Холодная война. В мессенджере.

— А, — сказала Нонна. — Мои тоже так. Только у нас вместо капусты селёдка.

Чат развивался с неумолимой логикой оперативной сводки.

«Тамара Игоревна: Лариса, милая, а ты точно хочешь делать двенадцать салатов? Это же так тяжело. Можно взять три хороших».

«Зинаида Марковна: Лариса прекрасно справляется. Просто в нашей семье принято, чтобы стол был достойный».

«Тамара Игоревна: А в нашей семье принято, чтобы хозяйка могла присесть».

«Зинаида Марковна: Присесть можно в январе».

«Лариса: Мамы, пожалуйста, давайте без этого! »

«Тамара Игоревна: Мы без. Мы просто разговариваем».

«Зинаида Марковна: Совершенно верно».

На этом месте Игнат Савельич, который отключил уведомления, но всё-таки заглянул в чат, отправил единственное сообщение за весь декабрь: «Привезу холодец». После чего вышел из чата и, по версии Ларисы, ушёл в запой. В смысле в запой тишины: на следующий день он сказал, что в чате остался, но слова, написанные другими, «не читает по принципиальным соображениям».

После этого с обеих сторон началась подготовка.

Тамара Игоревна поехала на рынок. Она шла по рядам, как полководец по полю боя. Купила три килограмма капусты (хотя нужно было полтора), кило клюквы, мешок моркови, соль мелкую, соль крупную и соль со специями, потому что «лучше недоложить, чем переложить» было не её принципом. Потом села в метро с двумя огромными сумками и ведром, из которого торчали капустные листья. Пассажиры расступались. Один молодой человек уступил место, решив, что человек с ведром не в себе и лучше с ним не спорить.

Зинаида Марковна пошла другим путём. Она отправилась в ближайший супермаркет «Бриз» и встала у прилавка с рыбой. Она простояла там сорок минут, изучая сёмгу. Подходили продавцы, спрашивали, чем помочь. Она отвечала: «Я смотрю». Продавцы отходили. Одна девушка в фартуке, уже заметно побледневшая, осторожно спросила: «Вы хотите ку-

пить?» «Я хочу убедиться», — холодно ответила Зинаида Марковна. Через сорок минут она купила двести граммов сёмги, которых хватило бы на один бутерброд. Но на выходе её остановил контролёр и вежливо спросил, достаточно ли ей. Она сказала: «Мне достаточно». Контролёр кивнул и отошёл. Всё было сделано чисто.

Потом обе женщины, не сговариваясь, позвонили своим детям.

— Лариса, — сказала Зинаида Марковна, — я хочу, чтобы ты понимала: если твоя свекровь собирается кормить гостей капустой, то это просто неуважение к хозяйке.

— Мама, капуста — это вкусно.

— Вкусно, но не красиво.

— Мама!

— Я молчу.

— Аркаша, — сказала Тамара Игоревна, — твоя тёща хочет подать нам рыбу. Ты понимаешь, что там будет рыба? Рыба, Аркаша. Там будут кости. Зачем нам кости в такой день?

— Мам, это же сёмга.

— Сёмга. А кому нужны эти семги, когда есть капуста?

— Мам.

— Я ничего не говорю. Но знай, что я всё вижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.